

Встреча с героями Шолохова

Роман «Поднятая целина» М. Шолохова привлекает широтой охвата событий, сочностью характеров, глубиной замысла, остротой социальных коллизий, органичным сочетанием общественного и личного в судьбах героев. Делалось немало попыток показать на театре это крупное, своеобразное и сложное произведение литературы. Однако, как правило, роману бывало тесно в рамках инсценировок, где сказывалось отсутствие органического единства действия, фрагментарность событий, локальность отдельных характеров. Поэтому понятен интерес, который вызывает постановка «Поднятой целины» на сцене ЦТСА, который, кстати сказать, провел серьезную дополнительную работу над инсценировкой Т. Лондона.

Скажем сразу, спектакль, яркое и интересно поставленный А. Поповым и А. Шатриным, изобретательно, с размахом оформленный художником Н. Шифриным, является значительным событием. Правда, в первые минуты спектакля у зрителя рождается, пожалуй, даже ощущение некоторого недоумения. Возникает оно потому, что театр, подчеркивая, что выносит на сценические подмостки не целостное произведение драматургии, а главы из романа, обрамляет спектакль своеобразными литературными заставками. Исполнитель ведущей роли Семена Давыдова Д. Сагал читает на авансцене страницы романа. Затем, уйдя за занавес, он меняет костюм и мгновенно становится из «чтеца» главным героем спектакля. Вот Давыдов шагает по длинной зимней дороге, вот он уже на окраине сонного села, вот он как бы растаял в вечерних сумерках...

Сам по себе прием этот своеобразен, но несколько развивает впечатление, подчеркивая условность, театральность сценического действия. Более того, по манере своей он далек от сугубо реалистической шолоховской поэтики, от общей полновзвучной интонации произведения. Это как бы некий постановочный язык. Подлинная же жизнь спектакля начинается лишь со следующего эпизода — велико-

Центральный театр Советской Армии. Сцена из спектакля «Поднятая целина». Ушанов — артист В. Царьков, Давыдов — артист Д. Сагал, Разметнов — артист Ал. Петров.

Фото И. ЕФИМОВА.

лепно поставленной массовой сцены, изображающей собрание станичников, которые, яростно споря, обсуждают задачи организации колхоза. Именно здесь завязывается сложный узел событий, выявляется расстановка социальных сил, определяются противоборствующие характеры. И со сцены сразу веет подлинной горячей жизнью, во всей ее противоречивой сложности и достоверности. Эта картина поставлена сочно, ярко, самообытно, как, впрочем, и остальные массовые сцены спектакля.

Благодаря остроумному решению сценического пространства, многообразному использованию сложного и емкого станка на круге, режиссура нашла для инсценировки удачные связи, причем решила их в духе шолоховского произведения. Место действия переносится то на широкое, бескрайнее поле, то за околицу, к колоду, к амбарам, в дом Макара Нагульного или Островного. То вспыхивает на сцене жаркий спор, то веселится толпа гуляющей молодежи, то чинно расходится по домам колхозники, — и все это красочно, правдиво.

Режиссура, разработав партитуру действия, сумела подобно умному и страстному дирижеру развернуть широкую полифоническую картину народной жизни, делая это без фальши и сусальности, без прикрас.

И видно, что в одном случае театр, идя вслед за Шолоховым в поисках подлинно достоверной жизни на сцене, добивается высокой правды искусства. В другом — отходит от Шолохова в сторону, загружая действие обилием натуралистических деталей. Это происходит, например, в картине раскулачивания, где зрители невольно начинают сочувствовать домохозяину кулака Тита Вородина (артист Н. Неронов). Нападение его на Давыдова воспринимается здесь чуть ли не как самозащита выведенного из терпения человека.

Но, думается, неверное звучание этой сцены, так же как пролога спектакля, можно считать просчетом частным. Идеино-художественная ценность постановки в целом в значительной мере определяется решением образов его героев и прежде всего центрального образа — Семена Давыдова, по-

сланного партией и рабочим классом на решающий участок строительства новой, колхозной жизни. Здесь театр одержал несомненную победу. Давыдов Д. Сагала — человек большого сердца и ума. Сагал объясняет, почему Давыдов завоевал такой авторитет среди колхозников, почему к нему так тянутся лучшие люди, верят в него, почему возникла такая ненависть к Давыдову у врагов. Сагал не стремится к нарочитой героизации образа, не играет человека, наделенного особым даром руководства. Он очень прост, но незауряден, в нем чувствуется крепкая рабочая хватка. Находясь в самой гуще крестьянской жизни, он всегда умеет найти общий язык с людьми, разобраться в сложной обстановке, принять точное решение. И все это делается без нажима, логично, точно. Сагал хорошо показывает духовное богатство Давыдова, его целомудрие, поэтому так искренне и чисто раскрываются личные отношения героя с людьми, зарождение светлого чувства к Лушке.

Убедительные образы близких соратников Давыдова создают артисты А. Петров (Андрей Разметнов), Н. Сергеев (Любишкин). Г. Плужник (Майданников). Все время ощущаешь, что у Давыдова есть надежная опора на селе.

К сожалению, театру не удалось найти интересного исполнителя для очень важной роли Макара Нагульного. Артист В. Петелин обладает хорошими внешними данными, но этого мало. Антер словно нивелирует самобытный характер Нагульного. Ему не хватает страстной влюбленности в коммунизм, в партию, яростной, жгучей ненависти к ее врагам. Артист не раскрывает всю остроту нагульновских «загибов», его непосредственность, горе и бешенство из-за неразделенной любви к Лушке. Слабо прозвучал у Б. Петелина монолог после исключения Нагульного из партии, недостаточно показана моральная победа Нагульного над самим собой, рождение у него новых черт. Не хватает этому характеру в спектакле ЦТСА шолоховского «озорства» и яркости.

Известной локальностью красок отличаются и некоторые другие образы. Так, довольно прямолинейно, хотя и круто играет мате-

мелодраматичен кулацкий сынок Тимофей (И. Каменский). Хотелось бы видеть более точную социальную характеристику образа Островного. В исполнении опытного артиста В. Ситко Островнов воспринимается немного усталым, рыхлым человеком. Возникает впечатление, что он утомлен борьбой и действует только под нажимом Половцева. У Шолохова же Островнов гораздо более страшная и жестокая фигура. Это враг, ушедший в подполье, тонко маскирующийся, он вредит и подрывает колхозной строй изнутри. Он страстно ненавидит новый, социалистический преобразование, но как крепкий и по своему одаренный хозяин временами увлекается широчайшими возможностями колхозного производства. В общем это характер сложный, сильный, своеобразный, но этого в полной мере Ситко не доносит. Зато вполне овладел шолоховской стихией В. Ратомский, который с огромным юмором, блистательно играет деда Шукаря. Неповторимые черты нашел артист для своего героя! Чуть растопыренные руки, скользящая походка, то детски-наивные, то умные с хитринкой глаза, и море непосредственности...

Очень хороша в спектакле Лушка с ее земной бабьей силой, особым деревенским кокетством, разудалостью, разухабистостью, озорством. Н. Сазонова играет смело, сочно, дерзко. В то же время она идет изменений в характере своей героини, идет у Лушки чего-то чистого, хорошего, что родилось благодаря общению с Давыдовым.

Спектакль ЦТСА — безусловная победа коллектива. Он дышит яркостью и яркостью борьбы за новое в жизни — борьбы трудной, показанной без прикрас и в итоге насыщенной радостью побед.

Самое главное в спектакле — его оптимистическое, мужественное звучание, вера в неодолимую силу партии и народа, строящих новую жизнь.

Ю. МАЛАШЕВ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

19 ноября 1957 г. 3 стр.